

За службу Родине удостоен орденов Отечественной войны I ст., Красной Звезды, медалей «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также многих ведомственных наград.

Виктор Фёдорович Грошев умер в 2013 году. Похоронен в Москве.

До конца дней он держал связь с малой карсунской родиной, где проживали старшие сёстры – школьные педагоги Е.Ф. Вальцгефер (Грошева) и Н.Ф. Грошева.

В фондах Карсунского художественного музея хранятся машинопись с названием «Жизнеописание кадрового офицера, кавалериста, дипломата, полковника в отставке Грошева В.Ф.» и фотографии из семейного архива Грошевых.

Авторские строки, ставшие музейным документом, не отличаются особыми литературными достоинствами: в них по-военному чётко излагаются основные этапы жизни автора, особо запомнившиеся эпизоды из карсунского детства и дальнейшего жизненного пути. Но подкупает искренность тех записок, отсутствие какой-либо бравады или кичливости от прожитого и достигнутого. В них – негромкие детали бытия, искренность и открытость человека родом из российской глубинки.

Предлагаем читателям всмотреться в эту большую судьбу гражданина своего Отечества.

КАРСУНСКОЕ ДЕТСТВО МОЁ...

Воспоминания Виктора Грошева

*Город Карсун. В семье Грошевых.
Середина 1930-х годов.*

Верхний ряд (слева направо): старшая дочь Екатерина, мать Анна Ивановна, средняя дочь Нина, старший сын Николай... Нижний ряд: третий слева: младший сын Виктор Грошев

Родился я 7 ноября 1923 года в тихом, до революции купеческом уездном городке Карсуне Симбирской губернии (ныне Ульяновская область), отстоящем в 22 километрах от железной дороги. Так что паровоз я впервые увидел, когда мне уже минуло десять лет.

Мой неграмотный дед по линии отца был бессменным кучером богатого купца Шагалова, который имел три конных выезда (тройки вороной, гнедой и серой масти). Пальцы дедовых рук, как рас-

сказывал отец, к концу жизни от вожжей скрючились до окостенелости.

Дед по линии матери был мелким торговцем-коробейником, имевшим при доме небольшую лавчонку, где трудились моя бабушка и четыре её дочери.

Отец и мать, родившиеся ещё в 1887 и 1889 годах, сумели получить лишь начальное образование (3–4 класса церковно-приходской школы), но, несмотря на это, писали довольно грамотно неплохим почерком, любили читать (мама штудировала книги религиозного характера).

Отец Фёдор Иванович в двенадцать лет стал мальчиком на побегушках в лавке купца Шагалова. В первые годы платой за его труд были кормёжка и одежда. Здесь он дорос до продавца и в торговле работал почти полвека. Солдатом участвовал в гражданской войне, воюя в Средней Азии против басмачей.

У отца были две старшие сестры – старая дева Пелагея, жившая вместе с нами (наша крёстная) и тётя Маня, проживавшая в селе Посёлки (в 12 км от Карсуна). Её муж дядя Степан – большой оригинал и выпивоха (по прозвищу Стальной) – был безногим инвалидом Гражданской войны и передвигался на протезах. Летом мы, дети, не раз с мамой ходили в Посёлки в гости. Трое детей тёти Мани в старших классах учились в Карсуне и жили у нас.

Моя мама Анна Ивановна – добрейший человек – занималась домашним хозяйством, растила четверых детей (ещё трое умерли в младенчестве и детском возрасте). Когда мы подросли, работала в колхозе и в торговой сети. У мамы были три младшие сестры: Шура (по мужу Бутрова), Оля (Панова) и Настя (Горшкова), жившая в Карсуне.

Теснились мы в небольшом доме деда по отцу. В конце 1920-х – начале 1930-х годов к имевшемуся дому была пристроена вторая половина, в результате наша семья разместилась в пяти небольших комнатах. Был также набор крепких надворных построек: амбар, погреб, конюшня, навес, сенник, баня, чулан и терраса. При доме существовали уютный плодово-ягодный сад и огород с колодцем. До начала 1930-х на дворе держали корову и другую скотину, а ещё раньше, при деде, говорят, была и лошадь. Перед войной в нашем хозяйстве оставались лишь две козы, куры и периодически выращивалась свинья. Всегда были собака и кошка.

Жили мы безбедно, но без излишеств. Питались нормально, одевались скромно: подрастающие дети донашивали вещи старших, а мне, как младшему в семье, приходилось носить даже перекроенную и перешитую одежду сестёр.

Всё лето мы бегали, как правило, босиком и не вылезали из реки. Вода, пыль, солнце и ветер делали своё дело – я, беловолосый и с конопушками, за лето не раз обгорал, а мои ноги покрывались цыпками¹. Самой неприятной была процедура, когда мама с помощью мочалки и молочной сыворотки обрабатывала мои ноги (это было не очень больно, но крайне неприятно). Мы самостоятельно лечили сбитые пальцы на ногах: кровоточащая ранка засыпалась пылью и заматывалась листьями подорожника.

В раннем детстве магазинных игрушек у меня не было. Я их мастерил сам или брал у природы. Когда же подрос, увлечения и игры стали другими. Мы, мелюзга, увлекались изготовлением ходул или самокатов, мастерили рогатки, поджигные; гоняли на железных кругах обручи от засолочных кадок, конструировали летучих змеев с мочальными хвостами. Однажды я разобрал ждавший ремонта венский стул, т.к. у него был великолепный деревянный обруч на сиденье. В результате получил в наказание то ли подзатыльник, то ли ремень. Как-то мы смастерили поджигной, похожий на винтовку. Длинную металлическую трубку-ствол с одного конца залили свинцом, пропилили щель для запала, ствол зафиксировали на деревянном ложе. Очистили серу с 2–3 коробок спичек, засыпали её в ствол, заложили пыж (несколько дробин) и пошли в овраг испытывать наше творение. Метрах в 15 поставили доску. Мне было доверено провести пробный залп. Он состоялся, а в руках у меня остался только приклад. Ладонь больно защемило деревяшкой, ствол же куда-то улетел. После долгих поисков мы нашли его далеко в стороне. Наш эксперимент не совсем удался, но всё могло закончиться более плачевно.

Хорошо помню, как ещё в мои дошкольные годы наша большая семья за обедом ела первое из общей чашки, а мясо, если это было мясное блюдо, начинали вылавливать после того, как отец ударял ложкой по краю миски. За излишнюю активность можно было схлопотать и ложкой по лбу.

Моя мама была глубоко верующей, её работа по дому сопровождалась песнопением на религиозные темы. В церковные праздники она нередко на несколько дней уходила за многие десятки километров на моления (пять церквей в нашем городке в конце 1920-х годов были закрыты, а позднее разрушены). Нас, детей, мать к вере в бога не принуждала, но все мы были крещены. Водила она нас и в церковь. Отец же был неверующим, поэтому иконостас из трёх икон, перед которым часто горела лампадка, был меккой только для мамы. Она стойко переносила все горести и невзгоды, а их было немало (один только отец в хорошем подпитии чего стоил: шумливый, а иногда драчливый был мужик) Мама верила, что всё, что ни делается, угодно Богу.

Как мне видится, моё детство, да и юность вышли вполне счастливыми. Прекрасная природа наших мест, полная свобода, любовь родных, различные игры вне дома, много увлечений и друзей-сверстников – всё это до предела наполняло мою ребячью жизнь, особенно в летнее время.

Походы в лес, купание в реке Барыш, на противоположном берегу которой простирались прекрасные луга с разнотравьем (сейчас этого уже нет, а река превратилась в речушку), выходы на рыбалку (часто с ночёвкой), ночные вылазки в чужие сады – не это ли было пределом мечтаний нас, мальчишек?

С 12–14 лет у меня появились определённые обязанности по дому и хозяйству: наколоть и принести дров для печек; летом практически ежедневно наполнять две бочки с водой в саду-огороде, а это означало поднять из глубокого колодца немало ведер воды; участвовать в заготовке дров и корма для коз на зиму, иногда встречать их из стада; сбе-

гать в магазин или сопровождать маму за продуктами на рынок и т.д.

Моим увлечением стало коллекционирование яиц диких птиц, обитавших в наших краях. Яйцо прокалывалось с двух сторон, его содержимое выдувалось. А скорлупка помещалась в одну из ячеек специальных ящичков. Яйцо нумеровалось, а в тетради делалась запись: что за птица, где она гнездится, каковы её особенности и др. Как помнится, в школьные годы мне удалось собрать не менее пятидесяти таких экспонатов. Однажды у меня в связи с этим случился вот какой казус. В чулане я нашёл старую икону в хорошем деревянном футляре. Этот ящик я и использовал для части своей коллекции. Но когда об этом узнала моя религиозная мама, то мне за это хорошо попало.

Увлёкся я также фотографированием. Причём камеру «ФОТОКОР» купил на собственные деньги. Источников дохода у меня было, естественно, немного. Кто-то из взрослых давал на кино (мы же, ребята, часто умудрялись попасть в кинозал без билета) или на сладости – из этих денег какие-то копейки откладывались мной на покупку фотоаппарата. Летом мы ходили на сусликов: выгоняли их из нор водой или ловили на волосяную петлю, а шкурки сдавали в приёмный пункт. Как-то у нас появились заготовители ракушек, а в реке Барыш их была тьма-тьмущая (внутри ракушки были покрыты тонким слоем перламутра)². Черпаками или просто ныряя, мы их доставали, в ведрах вываривали, очищали и сдавали приёмщику, получая за это небольшие деньги. Я собирал и сдавал утиль (тряпье, кости, старые резиновые изделия)³. Был у меня и ещё один источник дохода. На квартире у нас жил немец, специалист лесного хозяйства Фридрих. Любил выпить. Когда у него кончались деньги, он под хорошие проценты брал их у меня. Так или иначе, а фотоаппарат я купил и с его помощью стал запечатлевать нашу жизнь, своих родных и друзей в предвоенные и военные годы.

Был у меня и велосипед, подаренный отцом и старшим братом (в июне 1941-го я сдал его в военкомат, в фонд обороны).

Мы, ребята, активно занимались спортом. В раннем детстве нашими спортивными играми были лапта, шар-мазла, прятки, чижик, козны (бабки, в большую бабку-биту заливался для веса свинец), расшибалка (игра в денежную мелочь). Позднее к нам пришёл футбол (я даже играл во взрослой сборной команде Карсуна), волейбол, городки, а зимой – лыжи и коньки. Особенно мы увлекались спуском на лыжах с наших невысоких холмов, а каток заливали в широком месте Барыша.

У нас был клуб ворошиловских всадников, который я закончил в 1940 году, получив красивый массивный нагрудный знак. Общение же с лошадьми началось у меня, наверное, лет с десяти. Летом, с утра пораньше, с несколькими друзьями начинал обход конюшен разных карсунских организаций, чтобы первым получить лошадей для купания в реке. Вместе с ними, держась за гриву, плавали и мы, а потом возвращались в конюшни, устраивая по дороге соревнования-скачки. При этом не раз приходилось и падать с лошади.

В Карсуне был ипподром, где летом проводились бега. Это действо мы, ребята, никогда не пропускали.

Что касается умения плавать, то мы постигали его с раннего детства. Помню, как старший брат на спине переправлял меня на другой берег Барыша в луга. И однажды он просто-напросто сбросил меня в воду. Я по-собачьи, но под его контролем сам добрался до берега. На Барыше практически каждое лето возводилась купальня с вышкой, которая никогда не пустовала. Ныряли мы и с крутого берега в Шипках⁴, а также в других местах.

Надо заметить, что в 30-е годы самое серьёзное внимание, даже в нашей глубинке, уделялось подготовке в системе «Осоавиахима»⁵. Я, например, владел всеми значками самой высокой, 1-й степени, в том числе ГТО, «Ворошиловский стрелок», ГСО («Готов к санитарной обороне»), ПХЗ («Готов к противохимической защите»), «Ворошиловский всадник». Моя фотография с набором значков на груди была даже помещена перед войной в районной газете «Красная жатва».

Очень многие из моих сверстников принимали активное участие в кружках самодеятельности. Я, как и старшая сестра Катя, в струнном кружке школы играл на мандолине, участвовал в драмкружке, а также пел, даже по местному районному радио.

Отец одного из моих друзей, Лёши Уранова⁶, инженер леспромхоза, можно сказать, был охотником-профессионалом. Этой болезнью заразились и мы с Лёшей. Мой отец в конце концов был вынужден купить мне ружьё-однотолку Ижевского завода 24-го калибра. Подготовка к выходам на охоту (раскатка самодельной дробы, снаряжение патронов, подгонка охотничьего обмундирования и т.д.) и сама охота доставляли истинную радость. Походы в поймы рек, на болота, в лес для меня были не особенно результативными, но удовольствие я получал ни с чем не сравнимое. Правда, однажды мы с Лёшей хорошо постреляли в домашних уток, которые в весеннее половодье очень далеко по реке уплыли от своей деревни. Маму долго пришлось убеждать, что это дикие утки, которых я стрелял влёт. Зимой, уставшие от многочасовых скитаний по лесам и полям в надежде подстрелить косога, мы всё равно шли на танцы в РДК⁷.

В школе, особенно в старших классах, я был середнячком, но не потому, что плохо соображал. Просто надлежащего контроля за моей учёбой не было, а за многочисленными увлечениями хорошо учиться как-то было некогда. Иногда и оценки за поведение были не самыми высокими. В результате в моём аттестате за десятый класс оценки были такими: «посредственно» – пять штук, «хорошо» – восемь и «отлично» – пять (физкультура, военное дело, рисование и даже химия с географией). Однако такие «успехи» в учёбе не вызывали сомнения в том, что я продолжу своё образование и, видимо, в одном из военных училищ. У меня была даже задумка попробовать поступить в Военно-медицинскую академию в Куйбышеве.

Замечу, что и наши родители, и мы, дети, несмотря на пролетарское происхождение, не мыслили своего будущего без хорошего образования. Старший брат Коля ещё до войны окончил строительный

институт, успел поработать прорабом в Кандалакше (Карелия). В 1940 году он, как офицер запаса, был призван на военную службу. В должности помощника начальника штаба стрелкового полка Казанской дивизии в первые дни войны отбыл на фронт и погиб (официально – пропал без вести) на Смоленщине, где-то под Оршей. Перед войной старшая сестра Катя окончила Куйбышевский пединститут, а средняя сестра Нина окончила его во время войны.

В 1940 году, летом, к нам в гости приезжала мамина сестра с семьёй (тётя Шура, её муж дядя Вася – машинист паровоза – и трое их детей). Так вот мой двоюродный брат-тёзка Витя Бутров, военный моряк, настоятельно порекомендовал мне поступить в Выборгское военно-морское административно-хозяйственное училище. Туда-то после окончания школы в 1941 году я и направил свои документы, а копии – в Куйбышев. Но начавшаяся война спутала все карты.

В РУЖЬЁ!

Помню, в ночь с 21 на 22 июня 1941-го мы где-то до полуночи гуляли, позднюю побудку мне устроила мама и со слезами на глазах сообщила о войне. Дома началась небольшая паника. Ведь брат Николай, как мы знали, уже был на пути к фронту, а мне предстояло вот-вот покинуть отчий дом. Мы, вечерашние школьники-комсомольцы, конечно, ершились и выражали готовность в любой момент начать бить фашистов и идти хоть к чёрту на рога.

Повестка из военкомата не заставила себя долго ждать: где-то 26–28 июня первая пятёрка недавних карсунских школьников с котомками за плечами двинулась на станцию Вешкайма. Направлены мы были в Чкаловское зенитно-артиллерийское училище. Попутная телега, на которой ехал наш багаж, шла до села Таволжанка. Здесь я обнялся с отцом, и он, наклонив голову, едва сдерживая слёзы, быстро с опущенными плечами зашагал домой, в Карсун, а мы продолжили наш путь в Вешкайму, в Чкалов⁸, на войну.

В Чкалове ожидал сюрприз. Училище было уже укомплектовано, поэтому нас немедленно отвезли в кавалерийское училище, формируемое здесь же, в Чкалове, на базе бывшего подобного военного заведения. Нас, со школьной скамьи, было немного. Курсантами стали в основном студенты 2–3-го курсов институтов и молодые люди с «гражданки». Например, во взводе, куда меня определили, курсантом стал Гриша Дразнин, учившийся с моей старшей сестрой Ниной в одной учебной группе пединститута.

Моя военная жизнь началась в летних лагерях. Обмундировавшись, я получил своего первого четвероногого друга-мерина серой масти по кличке Размер. Надо сказать, что служба в кавалерии всегда считалась одной из самых трудных. Девиз «Сначала думай о коне, а потом о себе» был не просто набором слов. Так, например, только чистка коня три раза в день занимала три с половиной часа. Кроме того, надо было заботиться о конском снаряжении, стойле лошади в конюшне и т.д. Но мне, можно сказать, повезло.

Учёба в клубе ворошиловских всадников в Карсуне под руководством опытного конника Фёдо-

ра Сорокина оказалась хорошей подготовительной школой, и я чувствовал себя по-настоящему в седле. А как мучились бывшие студенты, в кровь расстиравшие в ходе конной подготовки ноги (шенкели и шлюссы⁹) и падавшие с лошадей во время преодоления препятствий; травмировавшие уши и маклоки¹⁰ лошадей во время рубки лозы! Командир взвода лейтенант Мирганатов, оценив мою подготовку и служебное рвение, вскоре сделал меня командиром отделения. Нередко вместо него я проводил уроки конной подготовки на манеже.

Поначалу жизнь в училище была хотя и трудной, но сытной. Нередко хлебушком мы баловали и своих друзей-коней. Но где-то в августе – сентябре 1941-го всё изменилось. Животики нам стало подводить, и мне приходилось делать набег в столовую, где на подсобных работах трудился мой одноклассник С. Богданович, отчисленный из училища по здоровью. Он-то и подкармливал меня. Большую радость приносили посылочки с домашним провиантом, а также небольшие деньги, которые родители периодически мне высылали (одного такого перевода хватало на хороший обед в коммерческой столовой).

Учебная программа была насыщенной, спать приходилось мало. Чувствовалось, что фронт торопит с подготовкой младших офицеров взводного звена, чаще всего выбиваемого в ходе боевых действий. И в конце ноября стало известно, что скоро будет выпущена первая группа офицеров. В неё в числе тридцати шести, как наиболее подготовленный курсант-конник, попал и я. Выпускных экзаменов у нас практически не было. Мы, молодые подтянутые лейтенанты, были горды оказанным доверием и полны решимости до последнего вздоха защищать Москву и Родину.

Почти недельный путь до Москвы прошёл у нас разгульно и весело. Полученные немалые подъёмные были в дороге проедены-пропиты (некоторую сумму я послал домой). Кроме того, на те же цели были обменены или проданы выданные нам новые постельные принадлежности и другое тряпье – всё это, как мы считали, на фронте не нужно.

Перед новым, 1942 годом мы были уже в прифронтовой полосе, откуда можно было слышать отзвуки канонады и наблюдать огненные зарницы. Нас распределили по дивизиям знаменитого 2-го Доваторского кавкорпуса, который за участие в Московском сражении станет гвардейским.

Я попал в 103-й кавалерийский полк старейшей кадровой, сформированной в 1919 году по приказу М.В. Фрунзе 20-й кавдивизии. Когда мы влились в состав эскадронов и получили под командование сабельные взводы, генерала Л.М. Доватора уже не стало (он погиб под Палашихой на реке Руза 19 декабря 1941 года), а советские войска под Москвой вели контрнаступление.

ПОД МОСКВОЙ

Что же отложилось в моей памяти о подмоковых боях в первые недели? Если честно – немного. То был некий полусон, когда все события, всё, что реально происходило на войне, виделось в какой-

*На память родным. Гвардии
кавалерист Виктор Грошев. 1942*

то дымке (надо думать, что по молодости, ведь мне было тогда 18 лет и два месяца).

Нас привезли в район Волоколамска, где наша дивизия занимала временную оборону. В 3-м эскадроне 103-го кавполка (впоследствии 59-й гвардейский кавполк) я получил сабельный взвод, в составе которого было всего 10–12 человек (ранее им командовал сержант Никонов, которому было лет сорок), взвод оборонял небольшой участок. Снег, мороз, осветительные ракеты ночью, взрывы мин и снарядов, кто-то где-то изредка стреляет – вот и всё, что мне тогда запомнилось.

В первую же ночь с одним из бывалых бойцов я проверил выставленный перед взводом дозор. Что особенно врезалось в память, так это своеобразная находчивость наших солдат: в свои неглубокие окопы для тепла, как они говорили, подтаскивали убитых немцев и на них лежали. То же самое предложил и мне, но я на такое не решился.

Дней через пять кавдивизию в обороне сменила пехота. В ближайшем тылу нас быстренько пополнили, в том числе и конским составом. Бойцы получили новенькие карабины или автоматы. Я был вооружён пистолетом и, естественно, шашкой. На мне кубанка, овчинный полушубок и башлык¹¹.

Вскоре корпусу была поставлена задача овладеть станцией Шаховской и развить успех в направлении города Гжатска. Что мне особенно запомнилось в том январском 1942 года рейде корпуса? Хорошо помню бои за населённый пункт Среда на Гжатском шоссе, Куклово, Быково. Здесь я впервые испытал на себе, что такое пикирующие бомбардировщики «Юнкерс», а также броски на 50–60 км по бездорожью ночью с выходом на пути отступа-